

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ 90-Х

ВЛАДИМИР МАКАНИН

ДВЕ СЕСТРЫ
И КАНДИНСКИЙ

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ 90-Х

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ 90-Х

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ 90-Х

СЦЕНЫ
ИЗ ЖИЗНИ 90-Х

Владимир Семенович Маканин

Две сестры и Кандинский

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=656585
Две сестры и Кандинский: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49974-8

Аннотация

Новый роман Владимира Маканина, автора главной книги «нулевых» – «Асана», – роман необычный.

«Две сестры и Кандинский» – яркое свидетельство нашего времени и одновременно роман-притча на тему о том, как «палач обнимется с жертвой».

Тема вечная, из самых вечных, и, конечно, острый неотменяемый вопрос о том – как это бывает?.. Как и каким образом они «обнимутся», – как именно?.. Отвечая на него, Маканин создал проникновенный, очень «чеховский» текст.

Но с другой стороны, перед нами актуальнейший роман-предостережение. Прошло достаточно времени с момента описываемых автором событий, но что изменилось? Да и так ли все было, как мы привыкли помнить?..

Прямых ответов на такие вопросы, как всегда, нет. Поживем – увидим.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	47
3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Владимир Семенович Маканин Две сестры и Кандинский

Изю всех продуваемых щелей вдруг начнут выползать они... Шепча!.. Вышептывая из себя задним числом свою вину и свою давнюю рассудочную боль.

Бедолаги. Их поставят в самую середину насмешек.

Но они вышепчут свое и выползут! Миллиононогая толпа. Тыщи тыщ. Стукачи, осведомители, информаторы.

Они пинками укажут место всей забубенной ораве наших нищих... всех видов и расцветок.

Кого – куда. Убогих, к примеру, в гуманные закутки.

Бомжей – в их норы.

Любовные парочки, заодно с алкашами, – затолкать по темным подъездам!..

Пенсионеров праздных – в их ободранные пятиэтажки. Без колебаний! В их конуры! По их теплым сортирам! Если они у них теплые!

Всех подчистую выдавить, вытолкать с перекрестков. С улиц. С площадей... А сами вперед-вперед-вперед в колоннах по восемь! Грандиозный парад покаяния!..

Стукачи будут первыми из наших кающихся.

Он сам попросится.

Ему надоело шепотком. Ему не в кайф доносить скоропортящиеся, устаревающие, уже вчерашние сведения.

Он скажет громко, в голос... Я – стукач, я был. Я был... Я был...

Из эссе 90-х

Часть первая

1

И снова она полна счастьем... Да?

Да!..

Ольга счастлива. Такая вот минута – счастливая тихая минута молодой женщины.

Раннее-раннее утро, а в ее К-студии уже гость, и этот гость по-мужски самозабвенно (и тоже, надо думать, счастливо) спит в ее постели. Он, разумеется, не просто гость. Он – ее любовь. Он – Артем... Артем Константа, так его зовут все... Да, любовь, вот она, обрушилась на Ольгу. Любовь словно бы собралась сделать из Ольги какую-то другую женщину... Другую?.. Но какую?.. Ведь свободно и легко!

И в голове ее, и в сердце – как в уже прожитой первой юности! Как после легкого, сладкого, южного... что там еще?... крымского... солнечного... вина!

Но...

Уже не спится.

Если порассуждать... Если без излишнего волнения. Без стучащего сердца. Если совсем-совсем спокойно... Артему сорок лет. Он – набирающий силу и уже сколько-то извест-

ный общественный деятель с яркой харизматической кличкой Артем Константа.

И ведь они оба подходят – она ему, а он ей, еще как в пору!.. Всё-всё-всё, даже по летам. Ему сорок – ей тридцать...

Ольга возле постели, смотрит на спящего со сдержанным восхищением. Он умен, образован... Она сделала выбор. Но, конечно, волнение! Она женщина, она побаивается этих утренних сладких самооценок, ласкающих женское ухо... все-таки?.. не поспешила ли. У нее бывали ошибки.

По-ночному мягко, вяло Ольга набирает телефонный номер. Вот-вот утро... Там, на другом конце Москвы, проснулась, уже на ногах, ее сестра Инна – и вот уже младшая сестренка напористо, атакующе выпрашивает у старшей:

– Он спит?

– Спит.

– А ты?

– Сторожу его сон.

– И сторожишь сама себя от ошибки?

– Что-то вроде.

– А толпы растерянных! А жуткая копеечная бедность... Всюду карманники! Сумасшедшие пикетчики... Оль! А сколько нищих!

– Куда теперь деться!.. Исторически необходимое смутное

время.

– А пустые магазины? – продолжает младшая. – А хапуги! А воры! А драки в очереди за водкой!.. Вчера, Оль!.. Мужу проломили башку его же бутылкой...

– А у меня любовь, – поддразнивает сестру Ольга.

– Оля! Наши улицы – уже совсем не наши. Барахолка!.. А какой вразброс бартер! Не хочешь ли купить и тут же сменить сахар на презервативы? А рис на бронежилеты?.. Инфляция все равно сожрет зарплату! за неделю! За три московских дня!..

– А у меня любовь.

– Съешь сбережения, что дальше?.. А какой беспредел на улицах. Бездомные, беспризорные пацаны – с голодным волчьим взглядом! Волчата! Как будто война прокатилась!.. А у тебя – любовь...

Тут Ольга уточнила, подправила младшую:

– А у меня любовь и Кандинский.

Ей хорошо в ее неглубокой, но с утра такой ласковой, милой, греющей жизненной колее.

Гудки.

– Инна, Инна!.. Да что такое! Опять прервали...

* * *

Телефонная связь восстанавливается не сразу. Повесив

трубку, Ольга ждет звонка и маячит по студии... Почему бы ей поутру и не походить туда-сюда в знакомых пределах?.. Свои стены.

Студия – большое полуподвальное помещение в недрах обычного девятиэтажного дома. Когда-то из этого полуподвала выглядывала пригретая площадка для показов опальных художников. Теплое теневое местечко. И заодно – тусовка для всякого рода инакомыслящих. Известное, но не слишком скандальное было место.

Однако сейчас уже начало девяностых, и в духе перестроечного времени здесь проросла К-студия, или просто – студия «КАНДИНСКИЙ», где вполне легально пропагандируется живопись знаменитого авангардиста. И так получилось, что безумным краскам Кандинского здесь в кайф. Уют признания! Наконец-то!.. Голодноватый, полуподвальный, но заслуженный честный покой.

Репродукции, а также кричаще-яркие дешевенькие картинки-копии, конечно, на многое не претендуют. Однако картинки эти на удивление миролюбиво срослись с новообретенной жизнью. И ни безденежье, ни подползающий к Москве голод не заставят Ольгу менять репродукции на бронжилеты. Да и к сахару, что предлагают полумешками, она не заторопится.

Она, Ольга Тульцева, критик, искусствовед, ведет эту студию.

Но сейчас лето. Студия начнет работу с 1 сентября.

Здесь же, в К-студии, Ольга и проживает, оставив отцовскую небольшую квартиру своей сестре Инне. Так им обоим удобнее.

Разница в пять лет. Сестры близки. Можно сказать, они в постоянном общении.

Спящий Артем чеканит во сне:

– Дайте слово Кусыкиной... Но сначала крикливую Петрову... И сразу голосовать!

Его обрывистые победительные слова так разделены и четки, что сестренка Инна их тоже расслышала – в телефонной трубке. Даже поковыряла слегка в ухе. Удивляется:

– Оля. Он так громко бормочет?.. Во сне?

– Он спит... И заодно он все еще на собрании. На слишком затянувшемся. Политик и во сне сражается за голоса. Так забавно следить... Уже дважды не прошло голосование, как ему хотелось... Клянусь, Инна!.. Он во сне считал голоса. Было, представь себе, трое воздержавшихся.

– Он их, надеюсь, запомнил? Озвучил всех троих? – смеется младшая.

– Поименно.

– Неужели не выбрал предателей?

– Не выбрал. Но с иронией заметил: воздержавшиеся –

они, мол, как всегда, не делают ошибок.

Гудки. Опять прервали!

– Воздержавшиеся не делают ошибок, – многозначительно повторяет сама себе Ольга.

Счастливицы эти воздержавшиеся!.. Смышленная сестренка Инна предупреждала... Но... Артем интересный мужчина. Умен, – вновь одобряет себя и свой приисканный выбор Ольга. Женщине необходимо самоодобрение. Необходима надежная, устойчивая утренняя мысль... Артем Константа, он же Сигаев Артем Константинович, выбранный недавно в Московскую думу, популярен, харизматичен... Набирает новую высоту.

Но... В наше перестроечное время люди, спешащие во власть, взлетают и падают. Это пугает. Как подстреленные. Валятся с небес. Вместе с харизматичными своими именами... Отец – с привкусом диссидентской желчи рассказывал и смеялся, – как быстро рухнувший политик теряет лицо... теряет здоровую психику... звучный голос... теряет друзей... жену...

Но... Артем смел, свободомыслен. Орел на взлете...

Телефон ожил. Инна!

– У Артема сегодня трудный день, – напоминает Ольга

сестре, заодно делясь припасенной радостью. – Звездный, может быть, его день. Выступление будет супер. Придешь послушать?

– А ты позовешь?

– Уже зову.

– По телевизору я его слышала. А вот послушать живьем...

– Завораживает!.. Море людей. И вдруг все они разом затаивают дыхание. Приоткрыв рты... И будто бы горячим степным ветром тебя обдает. Ветер по лицам! Ветер от повторений его имени... Константа! Константа! Константа!.. Уже сегодня, сестренка. Сама его услышишь.

Но, пообещав успех и едва выдержав скромную, сладко тянущуюся паузу, Ольга встревожилась:

– Лишь бы не было драк. Люди озлобились!.. А пара провокаторов всегда наготове. Я так волнуюсь за сегодня. Жутко волнуюсь.

– К чертям волнения, Оля!.. Он профессионал. Настоящий профи.

– Не люблю это слово.

– К тому же, как говорят в народе, у твоего Артема теперь могучий спонсор. Покровитель. Крепкая волосатая рука!.. Ты, конечно, знаешь? Денежный мешок? Да?

– Этот мешок обещал быть на сегодняшнем выступлении. Я еще ни разу его не видела. Мешок будет стоять рядом с Ар-

темом. Так что рассмотрим. Разглядим... Я слышала, простоват. Но щедр. И добр.

– Таким, как Артем, нужна помощь и жесткая поддержка именно простоватых, – поддакивает (и одновременно успокаивает) сестренка Инна. – Помню, как страстно, как яростно твой интеллигентный Артем обрушился на цензуру. Я слушала его по «ящику» и замирала. Замирала от его храбрости... Тот редкий случай, Оля, когда замираешь от чьей-то неожиданной... от неподсказанной храбрости.

– «Ящик» – совсем другое. Надо слушать живьем. Приходи.

– Даже удивительно, что раньше ты меня не звала на его выступления.

– Ты же хорошенькая... Опасная.

Пошучивая, Ольга не забывает ласково «лизнуть» ершистую сестренку – подхвалить и поощрить младшую. Хотя, если о внешности и если честно, из них двоих красива именно она, Ольга.

Но Инна умненькая, все понимает. От доброты сестринских слов крыша у нее не поедет.

– Я, конечно, завидую, Оль!.. И я так хочу тебе счастья. Как не завидовать!.. Вот он с тобой, настоящий мужчина!

– У тебя, Инночка, все впереди.

– Не знаю, не знаю. У меня, Оль, любовное затишье. Отчетливая сексуальная пауза. Уже, пожалуй, затянувшаяся.

– А тот парень, который мучил стихами? который косил под жириновца?

– Проехали.

– Почему?

Но вместо ответа посыпались гудки... вновь мелкие мерзкие телефонные гудки! Невыносимо!.. Сколько можно!.. Бардак какой-то, а не связь! Возмущенная Ольга бесцельно бродит, заглядывает в комнату-кухню и возвращается оттуда, скучно грызя застарелое печенье.

Да, здесь она живет... Студия велика, полуподвал разделен перегородками на секции, это как бы смежные комнаты, много комнат. И конечно, всюду проходы без дверей. Двери, где надо, делали сами.

Кандинский. Книги о нем. Знаменитые репродуцированные работы... И очень кстати, что в полуслепые окна уже с утра сочится и пробивается к репродукциям живой рассветный луч.

Три секции, что как-никак с дверьми, являют собой личную жизнь Ольги. Но двери всегда распахнуты. Кухня... Спальня... Кабинет... Здесь ее хоромы.

Пара старых, терпеливых кресел.

Здесь же еще один телефонный аппарат, чтоб не бегать.

– Спит наш популярный политик?

– Дрыхнет, – смеется Ольга.

– Счастливая. Можешь нырнуть к нему под одеяло.

– Нет... Не этой ночью. Боюсь даже дотронуться.

– Не выдумывай. Небось только что нырнула. Ты всегда звонишь сразу после этого.

– М-м.

– Сознаться: нырнула?

– Да нет же. Сегодня ему выступать.

– Сознаться!

– Ты, сестренка, весело щебечешь. Ты пташечка... А для меня каждая ночь перед его выступлением – как проба на новую жизнь, как испытание.

– Я бы не колебалась. Нырнула бы еще разок к нему под одеяло – и все мысли долой. Вплоть до светлого утра.

– Представь, что творится в бессонной моей голове, если я полночи, как комсомолка, рассуждаю, что такое мое счастье! мое тихое и нескучное счастье!.. Сама с собой!.. вслух!

– И пусть!

– Вдруг и на ровном месте несу что-то бредовое – говорю-говорю-говорю самой себе...

– Счастье – это как редкое блюдо!.. Кушай, дорогая!.. Кушай!.. Я так за тебя рада, Оля! И прошу тебя, ни о чем не думай – нырни к нему в постель, вот тебе то самое... твое... Тихое и нескучное!

– Я только что там была.

– А еще разок?!

– Ему надо отдохнуть. Знаешь. Волнуюсь... Когда-нибудь

будем гордиться... Жили в одно время с Артемом Константиной.

– Скажи – а почему с утра?.. Утренний необъявленный митинг?!. Что за дела? Что за времена!

– Когда-нибудь будем гордиться. Мы в эти времена жили!

* * *

Артем в постели – он, кажется, уже в другом, но тоже тревожном сне. Он уже не пересчитывает голосовавших. Вдруг бормочет:

– Пейзажик. Пейзажик...

Ольга успокаивает – подсела к спящему, зажав плечом телефонную трубку.

Но Артем не унимается:

– Лошадка. Почему избушка так покосилась?.. Больше! Больше ярких деревенских красок. Какая серость!..

Спящий, он задышал ровней. Но тут же опять заработала его что-то ищущая, роющая память:

– Пейзажик... Совсем небольшой... Снег, снег. Много снега! И лошадка вся... вся в снегу...

Инна тоже слышит выкрики и зовет по телефону:

– Оля! Оля!.. Это он опять? Во сне?

– Да. Лепечет что-то... Не знаю, как понять! Вчера он так пылко говорил про абстрактную живопись. Про гений Кандинского. А сегодня в голове у него застрял какой-то выли-

занный кич! зимняя картинка! Еще и с лошадю, запряженной в сани...

– Народный вкус. Он и во сне завоевывает толпу.

– Тебе смешно... Да, я искусствовед. Да, популяризатор. Но ты же знаешь, – со страстью продолжает Ольга. – Кандинский – это моя жизнь. Это мое всё. Кандинский! – вот где философия линии, вот где буйство красок, неистовство, интеллект...

Спящий Артем, перебивая, выкрикивает:

– Пейзажик!

– На митинге сегодня обрати внимание. Когда Артем выступает, он говорит про народ... и еще про Население. Он различает народ и население... Ты в этом понимаешь? – спрашивает сестру Ольга. – Народ, население, толпа. Я пыталась понять... Для меня это сложно.

– Нервничаешь?

– Ужасно!

– Он, Оля, бедноват, да?... По телевизору я заметила. Плохо одет.

– Сейчас все плохо одеты.

– Но когда вчера... нет, позавчера... Когда Артем был здесь, у тебя, я отметила, что на нем новый, только что купленный пиджак. И рубашка...

– Инночка!.. Пиджак! Рубашка!.. Это все глупости! Я так боюсь главного – боюсь, что поспешила, поторопилась к

нему, дернулась. Сразу постель... Я, в сущности, мало Артема знаю.

– Передай его мне, я узнаю побольше.

– Моя сестричка все шутит.

– А вот не ной, дорогая.

– Известный человек. Уже популярный. Наверняка на нем будут виснуть женщины.

– Виснут не женщины, а бабы. И пусть!.. Моя дорогая старшая сестра... Что это ты замолчала? Что за пауза?

– Взяла чашку чая.

– А!.. Я думала, он проснулся.

– Спит.

– А пока спит, вяжи его покрепче к постели.

Артем кричит со сна:

– Пейзажик!

– Расслабься, Оль. Он хороший мужик. С хорошим именем... На десять лет тебя старше. Десять!.. Это же классика для стойкой семьи!

– Ты так убедительна.

– Добавь – и так одинока.

– Ну-ну!.. Тебе только двадцать шесть.

– А тебе только тридцать. Чего ты боишься?!. Как это у нас говорилось. Вспомни. Подсказка поколения. Романы романами, но не забудь побыть замужем.

– Я как-то слишком быстро с ним сроднилась. За мной водится женская слабина. Живу его делами. Его мыслями... Его мелочами... А еще вдруг этот гадкий слушок. Дядь Кеша и дядь Петр принесли...

– Они и мне звонили. Слушок пущен специально... Но Артема не запачкать.

– Уверена?

– По всей Москве слышно – Константа, Константа!.. Кто в нашем районе борется с цензурой? – Артем Константа! Кому прочат высокий пост в Московской думе? – Артему Константе!..

– Ну зачем, зачем он политик! Отец сколько мог внушал мне отвращение к политикам.

– Но Оля! А как же речь Артема о цензуре! Знаменитая речь!.. Она прогремела! Она уже в истории!

Сонный Артем о чем-то предупреждает счастливо разговорившихся, расщебетавшихся сестер. Словно бы издалека, строго погрозил им пальцем:

– Пейзажик!

* * *

– Ладно. Всё. Уже утро, – говорит Инна. – Я одеваюсь... А ты пока погадай по Кандинскому. Погадай себе, а заодно и мне.

– О чем?

– О нынешней ночи. О сегодняшнем звездном дне.

Ольга берет в руки пульт и наугад направляет в сторону репродуцированных работ художника.

– «Синий всадник»?

– Как хочешь...

Замелькало... Репродукции поочередно вспыхивают и гаснут. Но Ольга трусит и откладывает гадание:

– Нет, Инночка. Не хочу... Записи громкоголосы. Боюсь его разбудить.

– Кандинского?

Тихая ночная шутка. Сестры тихо смеются.

Техническая изюминка.

Развешанные на стенах К-студии репродукции известных картин В. В. Кандинского снабжены краткими магнитофонными записями – нацель пульт, нажми кнопку, и востребованная тобой (или напротив – тобой нежданная, выкрик оракула) картина, высветившись, «заговорит».

Не бог весть, но эффектно.

Как правило, «заговорит» картина цитатой из статей, из книг Кандинского, из интервью.

Надо бы и ей сколько-то поспать, хотя бы поваляться. Ольга осторожно взбивает прохладную подушку на своей стороне постели.

Всматривается в спящего Артема.

Так бывает, что женщина своего мужчину может близко рассмотреть вдруг – в серенькое предутро. А затем его слишком заторопят, зашпешат, затолкают, задержают, заговорят глупостями. Лица мужчины ей уже не увидеть, не разглядеть, бедолагу потащило быстрой водой... горной грохочущей водой!.. да и женщину с ним вместе! оба барахтаются!

Ее чувству нужен внятный простор.

Ольга пытается уяснить, что больше всего ее привлекло в Артеме. Его глаза? И да и нет... Его голос, голос, вот оно!.. Его хрипотца. Эта откровенная терпкая... волнующая хрипотца хранит, прикрывает Артема как богатой ширмой. Голос! Тембр...

О чем бы ни говорил – живое волшебство.

Я и впрямь влюблена без меры, размышляет Ольга. А голос – да. Голос чуть ли не главный дар, которым наделила Артема природа. Я могла бы слушать его хрипотцу до бесконечности... Но ведь я оберегаю сон. Спи, милый... Спи, Артем... До луча. До легкости дня.

Женщина, как оказывается, – это две в одной.

Одна женщина (это я! каждую минуту начеку, – недоверчивая и отчасти даже озленная (предыдущими промахами по жизни). Настороженно следящая за каждым жестом и ша-

гом мужчины... этого непредсказуемого существа. Враждебен едва ли не всякий... Даже самый обмякший и интеллигентный... Даже самый-рассамый тупой добряк!

А вторая?

Вторая женщина (это ведь тоже я!) старается срастись с мужчиной. И прежде всего – научиться болеть ему в отзвук! Женщина как вмонтированное болевое эхо. Вот и всё! Вот залог успеха... Мне больно, когда больно тебе.

Даже очень счастливые в любви женщины рассказывают, что эта наша раздвоенность, эта двуликость, эта забавная разность женского двоечувствия обнаруживается у каждой из нас.

У каждой!

– Оля... Оля!.. Иди ко мне... Что? Уже утро?

Артем на миг проснулся, берет ее ласковую руку, пытается притянуть к себе.

Ольга высвободилась. Сидит в шаге от него.

– Оля!

Он тянул к ней руку, а Ольга виновато заклинала себя:

«Я не должна... Не должна еще раз... Это будет ошибка...»

Слабость одной минуты».

И снова заклинала:

«Слабость одной минуты. Я боюсь его мужской воли. Я боюсь постельной зависимости. Я знаю, слышала, что это такое...»

– Оля!

«Он засыпает. Вот и пусть... У него впереди трудное утро».

– Оля!

«А я молчу. Я ни слова. Любовь, конечно, еще какая ло-
вушка!.. Меня бросало из стороны в сторону».

Его обмякшая рука так и осталась протянутой к Ольге...
Спит.

«Вполне ли он в такую ночь здоров? Неужели вот так пе-
ред каждым митингом?..

Но как это хорошо – не уступить любимому мужчине сра-
зу. Как это хорошо – выждать!»

* * *

Звонок.

Однако звонит не сестра – в трубке слышен не сразу Оль-
гой прочитанный сиротский женский голос.

– Простите... что я ночью. Но я знаю, что Артем сейчас
спит... Он всегда спит, если с утра выступать. Крепко спит...
Иногда с небольшим перерывом, извините, на секс... Но сей-
час он уже обязательно спит. Я знаю. Я его жена. Оставлен-
ная... Брошенная... Я звоню вам, Ольга, потому что много
слышала о вашем покойном отце. О диссиденте... О нем у
людей хорошая, светлая память. И потому я также предпола-

гаю в его дочери – предполагаю в вас, Ольга, – человечность и доброту души.

Пауза.

– У меня, – женщина плачет, – у меня ничего и никого нет. Кроме Артема. У нас даже ребенка не получилось...

– Я сочувствую вам, – осторожно говорит Ольга. – Я всей душой вам сочувствую. Но вы уже в который раз звоните. И что я сейчас смогу?.. И ведь я знаю, что Артем ушел от вас уже давно.

– Но для меня, – плачет, – для меня это как вчера. Я все еще с ним.

– Сочувствую и в этом... Простите.

Ольга возле постели, где спящий Артем.

Слабый свет ночника объемно освещает всё вокруг – вот он, Артем, а рядом вот он – сочный и призрачный мир абстрактного искусства. Уже давно ставший ей родным.

И почему не погадать по врачующему нас Кандинскому?.. Кандинский никогда не ранит. Ольга берет пульт – и наугад направляет, посылает команду развешанным на стенах репродукциям. В их живой пестрый разброс.

И как же не поверить, что нас слышат. Как не поверить, что где-то живет ответное слово, которое нам и которое впопад... Где-то же еще удастся попасть в дразнящую нас цель!

Так это или не так, но одна из репродукций, пискнув, послушно подсвечивается.

Звучит мужской голос, баритон... Зачитывает одну из схваченных сентенций любимого Ольгой художника.

«ОСОБЫЙ МИР ОСТАВШИХСЯ НА ПАЛИТРЕ КРАСОК... БЛУЖДАЮЩИХ НА...»

И с паузой:

«...НА ЕЩЕ НЕ ГОТОВЫХ ХОЛСТАХ».

И снова. В правильном порядке:

«...МИР ОСТАВШИХСЯ КРАСОК... БЛУЖДАЮЩИХ... НА ЕЩЕ НЕ ГОТОВЫХ ХОЛСТАХ».

* * *

– Кто это?

– Спи, спи. Это мой Кандинский.

Но Артем уже проснулся.

– Оля! Оля!.. Неужели я проспал такую ночь... Так много спал... Такая наша ночь... Иди ко мне!

Он проснулся, он хотел близости. Нет, нет!.. Ольга мило-сердно, трогательно просила его поспать еще. По-ночному тихо умоляла – не надо, не надо, Артем, уже с утра твое выступление... митинг... Ты слишком устал.

Но мужчина и не думал перестать, напротив... Он хотел ее все больше. И, крепче взяв за руку, хозяин, притягивал к себе.

«Но хотя его пробудило желание, хотя страсть, он старался быть деликатным. Он целовал меня, бережно, нежно, но, конечно, настойчиво, а я... я, конечно, старалась быть на страже его сна... и на страже самой себя...

Однако та, вторая женщина во мне (это ведь тоже я), оказалась уже взволнована ничуть не меньше, чем он. И сама, мыслью, уже тянулась к нему».

– Оля!

«Хотя бы остановить ужасную дрожь. (Меня трясло...) Я не уступила... Нет, Артем... Не сейчас! Не сейчас!»

– Знаешь, Оля, я сразу скажу им про это клеймо. Наше позорное клеймо совковой прописки... Я напомню... Острым выпадом! Я впарю в них как раз митинговую, жгучую мысль о свободе места проживания... Ага... А затем – затем самое-самое наше больное...

«Вспышка чувства (среди ночи обоюдная вспышка... обоюдная, не спорю... я виню себя) привела к тому, что случилось самое ненужное, самое лишнее – Артем заговорил.

Это было совершенно ни к чему... перед близким утренним выступлением! Он мог перегореть. Он озвучивал в никуда свои тезисы. Соскальзывая в пустоту... Он мог потерять напор голоса на всё сегодняшнее утро!.. Я не знала, как быть.

– Уже кое-какая свобода дана нашим предприимчивым людям. И теперь я потребую отмены прописки – этого уродливого запрета на жилье, на саму жизнь... А затем мой злобный, ядовитый десерт – остатки цензуры... Искоренить ее! до точки!

– Артем, милый... Помолчи.

– Для начала в нашем районе. Наш район без цензуры – вот бешеный лейтмотив!.. Важно начать! У нас здесь две свои газеты. Издательство, пусть небольшое, тоже есть... И хотя бы на одном пяточке российской земли скажем – мы без! Мы без цензуры, мы свободны!

– Но цензура, Артем, – реальность, как я понимаю, законная – государственная, а не районная. Ты не можешь отменить то, что законно.

– Не могу? Это почему же?

– Цензуру ввело государство.

– Этого государства уже нет.

Я сидела с ним рядом. А он полулежа, вздергивая упрямым подбородком, говорил о свободе. О народе... И о населении... Народу надо срочно, а населению нет... Я никак не могла уловить разницу. Но я затаила дыхание – так замечательно, так смело он говорил!

В подвальной пивнушке, соседней с нами, вдруг зазвучала музыка, как они сами ее называют. Их пивная, дерганая, сумасшедшая рок-музыка.

Я испугалась... Что? Уже? С самого утра?.. Они с ума сошли!

– Они, Артем, не дадут тебе доспать.

– Пусть!

Его удивительный голос то изломом падал, то вдохновенно, волшебным взлетал... У Артема перехватывало дыхание, и я успевала понять, что этот любимый мной человек не просто неубиваемый политик-профи: он действительно переживал каждую свою мысль как встревоженную временем – как уже готовую к ближнему бою. Он обживал свою мысль. Он жил этой мыслью. Он так сильно, жадно сжимал мне руку с каждым гневным словом... Он мог сгоряча сломать мне пальцы...

– Оля...

Но, конечно, я не выдернула руку. Я терпела... И была счастлива. Хуже было то, что я по-утреннему свежо, ощутимо зябла... А он все говорил... Я захотела в туалет. А он все так же возвышенно (его горные снеговые вершины!) – то о народе, то о населении. Народу нужно срочно... Мне было стыдно. Я боялась, что лопну... ужас... Я терпела. Из всех сил.

– Ты хочешь спать? Устала?.. Я тебя заговорил?

– Нет, нет. Что ты!.. Я готова слушать и слушать.

И опять эта варварская музыка.

– Артем!.. Слышишь? Проклятая пивная!.. Ты же обещал что-то с ними сделать.

– Обещал. И дал команду.

– Отец когда-то предупреждал – политики обожают обещать.

– Но политик уже дал команду. Здесь будет кафе... Да, Оля, кафешка. Но другого типа. Чай, кофе, газеты и разговоры. Как тебе зеленый чай?

– Чай – это хорошо. Это для всех.

– А как тебе, если в этом кафе будет подаваться фирменный «Чай Кандинского»? – Артем взял шуточный тон. – «Чай с Кандинским. Только у нас!» – звучит? А можно атаковать более энергично: «Чай с точкой на плоскости»?.. За хорошую рекламно-агрессивную вывеску не грех выпить по-настоящему. А что?.. Вина! Хочу вина!.. Знаешь, Оля... Признаюсь тебе... У меня есть слабость.

– Неужели есть?

– Я люблю чокаться.

– Вина не прикупила. Извини. На приличное вино денег нет, а пошла брать не хотелось. Я бедна, милый.

– Не страшно, дорогая. Сам такой!.. Это я только на словах хорохорюсь. Святая правда, Оля. Я ведь тоже беден. Ска-

жу больше – я бедный-бедный совок.

– Мы – пара.

Минута необязательных признаний.

– Сейчас вдруг все обнищали.

– Да... Перебиваюсь подачками. Московская дума – пока что фикция. Я там на виду, я известен, но я ничто. Полугодное воинственное ничто.

– Я, милый, тоже не богачка. В квартирке, оставшейся от отца, живет сестра. А сама, как видишь, живу в студии – в этом прославленном полуподвале. Но мне хорошо... Не жалею... Я счастлива здесь. Я и Кандинский. Мы с ним – двое. Но теперь, если полуподвал тебя не пугает, ты тоже с нами.

– А как Инна?

– Она забавная. Я ее обожаю. Окончила серьезный вуз, а работать стабильно ей слабо. Не хочет. Как многие сейчас. Месяц-другой поработает – уходит... Но зато она не бедствует – она всюду востребованный компьютерщик.

– Ты хорошо сказала – мы пара. К чертям политику!.. Я хочу теперь говорить и говорить о нас.

– Артем!

Первая женщина (та, что во мне) по-прежнему не хотела ему поддаться. Ни в коем случае... Зато вторая женщина

(тоже ожившая во мне) была готова на все, лишь бы добиться его покоя. Она и победила. Чтобы мужчина уснул. Чтобы спал...

– Артем, прошу, помолчи!

И я кинулась к нему в постель. Чувствуя, как мешает мне неснятый халатик. Говорят, политики всепонимающи. Артем не должен был сомневаться во мне. И он, конечно, сразу поймет. Женщина слаба руками, слаба телом, если она... если она уже лежит на спине.

А потом мы смеялись над вставшей на дыбы нашей постелью. Над собой и над своим идиотским взлохмаченным видом... Ну дела. Ну и побоище!.. Картинка любви! Среди авторитета Кандинского и среди такой ответственной предмитинговой ночи!

Он уснул на полуслове... И с ним вместе, на полувздохе, уснула я... Мы оба скатились в пустоту, в мертвый аут. Мы оба исчезли и провалились в сегодняшний день! Это казалось странным, интеллектуальный изъян. Нелепо в столь важное для него утро. Глупо!.. Очень глупо!.. Но приятно. Не скрою.

Я все же успела выключить ночник».

Во тьме... шаги... шаги!

И тут же замигали огоньки со стороны репродукций-модерн. Сторожевые огни недремлющего искусства.

– О, боже мой!.. Это уже Инна! Мы же с ней договорились, что вместе!.. пойдём на митинг вместе!

Ольга вскочила с постели. Недовольна собой.

И впрямь Инна уже здесь. Пришла!.. У нее свой ключ и свой свежий командирский голос. Свой человек.

– Хватит спать!.. Наше время, сестричка, супер!.. С утра – и на митинг. Когда-нибудь по таким временам скучать будут.

– Потихе.

– Впервые вижу спящую знаменитость, – смеется Инна.

– Тс-с.

Моя сестренка Инна – слегка томящаяся натура. За плечами вуз. Востребованный программист, но никак не подыщет себе устойчивое место. Поработает – и оттуда бегом-бегом!.. Слегка рисует. Слегка помогает мне писать диссертацию. Слегка влюбляется в моих поклонников. Моя чудо Инночка!.. Всё слегка.

– Не приискала работу?

– Не.

– А деньги?

– Пока что есть.

– Молодец!.. Хочешь кофе?

– Хочу в Питер.

Чуть что – хочу в Питер. Бравирует. Она такая. Навязчивый повтор ее упрямой томящейся мысли.

Артем, наскоро одевшийся, встал и кричит:

– Что там горит? Что за запахи?

– Инна варит кофе.

– А-а. Младшая сестренка. Ей-то чего не спится – чего в такую рань прискакала?.. А ты, Оля?.. А ты, моя абстрактная красавица! Отвечай! Почему всю ночь бодрствовала – зачем?!

Оба смеются.

– Как зачем?.. Любовь!

– Психованная женщина! Ненормальная! – шумит Артем на всю К-студию. – Как можно влюбляться в политиков! Нет чтобы любить артистов и поэтов!.. Прозаиков, на худой конец.

Но тут же Артем спрашивает у Ольги почти шепотом:

– Надеюсь, ночью я вел себя прилично? Извини... Я имею в виду те замечательные минуты... секс.

– В те замечательные минуты Инны еще не было.

– А ночь? была бурная?

– Я бы сказала – да.

– Это неплохо... Это в плюс!.. Секс перед выступлением играет свою подземную роль.

Так запросто выраженный его мужской опыт задевает Ольгу. Она отвечает сдержанно:

– Тебе видней.

– Прости, прости. Слова!.. Это всё адреналин! Предболтовня политика!.. Слова уже распирают. Авангард, рвущийся в рукопашный бой.

Артем легко и по-утреннему нежадно целует Ольгу: – Что-то было ночью еще?

– Кажется, всё... А!.. Еще был пейзажик!

– Что это?

– Ты во сне очень смешно бормотал про какой-то пейзажик... Нет, нет. Все было хорошо, даже отлично, мой милый. Ты чудо. Ты достаточно спал... и... был мужчиной. Всё отлично. Но вот некий пейзажик тебя беспокоил.

– Пейзажик?.. А-а!.. Вспомнил! Расскажу!

Ольга смеется: – Учти. Ты в студии «Кандинский»... В мире Кандинского не нахваливают пейзажики.

* * *

Инна принесла кофе:

– По чашечке-другой перед митингом. Прошу.

Все за столом.

Артем рассказывает:

– Вчера... Дискуссия о роли искусства. Я – приглашенный оратор... Я как раз сослался, Оля, на твою пустую К-студию... Почему, когда Кандинский был под тeneвым колаком и не пылил, народ здесь толпился даже летом? Поневолe заскучаешь по прошлому... А какая шумная, грандиозная! какая величественная бывала травля! Советская власть, как никто, умела травлей сделать настоящего героя из писателя!.. из художника!.. даже из музыканта!.. Мы там еще поспорили об этом. Мне похлопали... Все шло нормально.

Артем помалу прихлебывает кофе:

– Похлопали... А после выступления подходит ко мне мальчишка... явный беспризорник... подросток... ему, я думаю, лет пятнадцать... Кормят ли в упомянутой К-студии обедом? Ему бы, мол, в школу с питанием...

– Артем! – живо реагирует Ольга. – Артем! Я как раз о таких ребятах тебя просила. Ты, надеюсь, дал ему адрес студии?

– Но его интересовало только питание, еда, а не студия...

– Ты дал ему адрес?

– Мальчишка даже не слышал о Кандинском... То есть если и слышал, то здраво полагал, что Кандинский – что-то вроде врага народа.

– Какая прелесть! – смеется Инна.

– В общем, пацан вынул откуда-то из-за спины и стал мне совать картинку. Готовый с ходу соврать, что это его работа. А работа – профессиональная. Сразу же видно... Пейзаж. Зимний... Лошадь запряженная, на гриву медленно падает снежок... Я хотел мальчишку прогнать. Ну явный халявщик. Но он такой sereneкий, тусклый, никому не нужный и безпризорный пацан... Еще и заикался. Еще и в каких-то уродливых очках. Я терпеть не могу, когда на человеке плохие очки. Уж лучше б слепой.

– Артем! – одергивает Ольга.

– В общем, этому тусклому лгунишке я не смог дать пинка. Не смог прогнать и... И дал твой адрес... Все бы ничего, Оля, но пацан три раза переспросил – кормят ли в твоей К-студии и как часто?

– Ничего страшного. Покормим.

– Но пацан еще уточнил – кормят ли *с самого утра?*.. Так что смотри, он вот-вот нагрянет.

Он признался, что сменил уже пять школ с питанием... Пять, Оля!.. В каждой школе он начинал с того, что выдавал за свой... пейзажик, который он подобрал где-то на помойке, когда ее разгребал бульдозер. И мальчика принимали в школу.

– А потом выгоняли?

– Нет, нет. Просто эти доморощенные частные школы быстро возникают, но еще быстрее сами разваливаются. Инфляция! В любом деле сейчас банкрот на банкроте.

– Ну а дальше?

– А дальше лгунишка понял, что его лошадка меня не обманет. И врать, что он умеет так рисовать, побоялся... А меж тем в руках пейзажик. Он не знал, куда теперь его деть... Он уже хотел пейзажик просто выбросить в мусор... У пацана тряслись руки, и казалось – его скучную пейзажную лошадку тоже бьет голодная дрожь...

– Артем!

– Я его поспрашивал... Малый одинок и голоден. День целый ходит и ищет школу. Любую. Лишь бы там кормили... Повидал многое и уже поучился разному. Был в школе дизайнерской... Был в школе с суперуглубленным английским... Был в школе «Робинзон». Последняя из его школ была и вовсе продвинутая – с несколько пугающим названием: «Непьющие мальчишки». Как в том анекдоте.

– Он прыгал из школы в школу?

– Как блоха. Как кузнечик... Зелененький он был!.. Но в наши дни школы, которые с едой, не живучи. Школы слишком скоро распадались... А мальчишке опять и опять хотелось жевать. Голодал!.. Меж тем брали его в эти расплодившиеся частные школы только потому, что он всюду показывал свой пейзажик... То есть как бы свой. Как входной билет в оплаченную столовую... И тогда я вдруг потеплел к пацану. Я растаял... И дал ему наш адрес.

Артем закругляет разговор:

– Леди. Спасибо за кофе. На утреннем митинге крепкий, подгоняющий кофе, если загодя, – совсем не пустяк.

Инна расцвела и добавила ему в чашку еще на глоток:

– Я старалась!

А вот и узнаваемая музычка грянула из соседней пивнушки. Пошлая и визгливая. Как говорится, *зато поутру*.

Ольга: – В такую рань. Вот варвары!

Артем смеется: – Я им попомню!.. Скоро они будут только шуршать газетами.

– Митинг митингом, – спешит спросить цепкая Инна. – А что нового почитать? У вас, Артем?.. Если о цензуре, то я читала.

– О цензуре читали все, – счастливым голосом как бы между прочим констатирует Ольга.

– Еще одна изюминка, леди! – Артем допил кофе. – Когда я расспрашивал новообращенного. Этого пацана... Коля его зовут... Угадайте с трех раз, в какой из частных школ Коля подкормился лучше всего? и дольше всего?

– Не знаем.

– Думайте. Угадывайте. С трех раз.

– Я знаю. В религиозной у католиков?.. Газеты писали.

– Нет.

– Школа демократической молодежи?

– Нет.

Артем смеется:

– Ну а с третьего раза?.. Угадали?.. Или слабо?

Женщины согласны, сдаются – слабо! слабо!

– Ладно... Ответ прост: в доморощенной школе КГБ. Которую слепил некий майор Семибратов... Частная школа молодых гэбистов... Кстати сказать, наш район. И что смешно, пацан был по отбору принят туда тоже за пейзажик.

– Я слышала. Я где-то читала про эту странную школу.

– Почему странную?.. Юные Штирлицы. Юные Зорге. Этакий романтический тренинг... С молодых ногтей.

– Свобода?!

– А вы как думали, леди, – свобода только для нас?.. Нет и нет. Свобода – она для всех свобода!

– Я читала в газете. В «Московском комсомольце». В Москве возникло сразу штук пять таких школ... Их, конечно, разогнали. Но мальчишки, заметьте, в такие школы рвались.

– То-то... А я все хотел спросить пацана. За что его из такой школы вышибли?..

Артему шуточки, а в Ольге проснулся праведный либеральный гнев:

– Пять!.. Пять школ гэбистов!.. Позор! Нигде такого падения быть не может! Только у нас! Только в Москве!

– Да ладно, Оля...

– Нигде! Ни в одном городе мира!

– Почему ни в одном?.. В городе Саратове только-только

обанкротились две такие школы.

– Смеешься!.. Не так уж забавно!.. Мне, Артем, не за Саратов больно, за отца больно. Возникновение этих школ показательно. Пришли новые времена – и вот, казалось бы, даже в ГБ есть отклик! отзвук!.. наконец-то! свершилось!.. Настоящая плановая чистка! Однако на другой же день изгнанный из рядов майор... как его...

– Семибратов.

– Изгнанный из органов майор Семибратов, не зная, чем теперь себя занять, затевает частную школу пацанов. Учит помалу стрелять. Сбивать с ног. Вести слежку... Он и денег, скажем, с их родителей не берет. Ему в кайф! Само обучение мальцов в кайф... Все знает, все умеет. Этаким товарищ Сухов...

– Товарищ Сухов – красиво!

– Именно!.. Каждый изгнанный майор лепит свою частную школу красиво. Ностальгия, Артем. Это их ностальгия по сукровице. И только по счастью (за неимением денег!) эти школы-пузыри лопаются! Распадаются! Но и в распадае они, сукровичные, смердят!

Ольга очень-очень задета. Ей не по себе. Ей больно.

Молодая!

Артем успокаивает: – Оля! Эти школы и школки... Это пена. Время их сдует! Время их сдует играючи! легко!

Инна: – Напрасно, Артем, ты не привел сюда голодного мальчишку сразу.

– Но я дал адрес... Инна, согласишься: я не мог вполне командовать парадом. Это не моя студия.

– Теперь твоя, Артем... Твоя, – со счастливым смехом подсказывает, да и подчеркивает Ольга. Она уже успокоилась.

Молодые женщины готовы к выходу. Почти готовы. Нет-нет – и шаг, шажок, подскок поближе к большому зеркалу – глянуть на прическу, подправить воротничок.

– Мальчишку за что-то вышибли из рядов ГБ, – смеется Инна. – Забавно, а?

Обе женщины у зеркала в рост. Смотрят. Безотрывно.

– Этот мальчишка всю ночь преследовал Артема. Со своим дурацким пейзажиком, – хмурится Ольга.

– Плохая примета?

– Напротив, – воодушевляется Артем. – Отличный знак! Еще Тимофей Тульцев, ваш знаменитый отец, это предрек. Знаменитый диссидент еще когда предсказал, что чистки и уходы из ГБ начнутся неминуемо... А знаете, кто первым уйдет, говорил ваш отец... Не майоры и не чиновники в теневых погонах. Первыми уйдут стукачи... Срок – полгода!.. Полгода перестройки – и отовсюду, изо всех щелей наши стукачи начнут свой покаянный выполз...

– Артем, остановись. Прошу тебя. – Ольга обеспокоена. Он уже заговорил. Ненормальный!.. У него впереди целый митинг!

– Я убежден, – вскипает с новой силой Артем. – Грядет год их массового прихода с повинной. Высокой волной!.. И даже не потому, что стукач боится разоблачения... или боится возмездия... Нет!.. Он просто уже не может жить молчком, оставаясь один на один с накопленной не востребованной информацией...

– Артем! – Ольга уже умоляет его.

– Беднягу стукача забывают. Ему отключили кислород, и он задыхается. И теперь он сам хочет открыться. Он тоже человек. И он просится к нам. Он говорит – я хочу с вами. Я хочу с вами...

– Артем. Остановись...

– А мне интересно! – встряла Инна.

– Инночка. Он перегорит! Хватит!

– А если интересно!

– Артемчик. Умоляю тебя... Заткнись. Закрой фонтан.

Артем удовлетворенно смеется. Он сбросил в прорыв излишки пара.

– Ладно. Ты права. – Он целует Ольге руку. – Ты права. Запал надо беречь... Но еще два слова... Конечно, стукачество как жанр не исчезнет. Их наплодят снова... Но сейчас на дворе их суровый год, их праведный год, их перелистыва-

ющий год! Это – *их момент их истины*...

– Артем!

– Стукачи сейчас опережают всех нас. Предпокаяние, господа. Началось предпокаяние!

– Артем, прекрати.

– Всё, всё.

* * *

– Собираемся, собираемся! – весело покрикивает теперь Артем. – Инна! Что ты вертишься у зеркала... Время! Время!.. Оля. Молю тебя. Вымой физию.

– Грязь? Я чумазая?

– Заспанная.

– А чем это смывают?

– Холодной водой!

Звонок в дверь. Инна, наиболее к выходу готовая, открывает и вводит гостя.

На пороге подросток в очках.

Артем обувается. Со смехом кричит: – Это он! Это он!.. С пейзажиком!

Инна, младшая, с улыбкой: – Представьтесь.

– А?

– Как вас зовут?

– Коля У-у-угрюмцев.

– Это вы, – продолжает знакомство Инна. – Это вы так сильно полюбили художника Кандинского?

– Инна! – одергивает сестру Ольга.

– А что? Нельзя спросить?

Ольга, возможно оберегая и сразу же узаконивая, отводит новенькому его пространство:

– Тот угол. Тот мольберт старенький... Видишь?.. Будет твой, Коля. Когда-нибудь держал в руках кисточку?

– Н-нет.

– Эти кисточки – твои.

– А к-краски?

– Разведешь сам.

– А п-п-покушать?

– Найдешь сам. Холодильник у той стенки.

Артем кричит: – Одевайтесь!.. Успеете его расспросить!

Однако Инна спешила узнать ближе:

– Вы, Коля, слиняли из школы ГБ? Почему?.. Неплохая же профессия. Если в перспективе.

– Я не с-слинял – меня в-выгнали.

– За что?

– За н-неуспеваемость.

– А в школе с углубленным английским?

– В-выгнали с-разу. Один раз пообедал.

Теперь Ольга торопит Артема:

– Чего ты сидишь?.. Всех подгоняешь, а сам в одном ботинке!

– А мне тоже стало интересно. Небось гэбистов теперь по науке учат. Психоанализ царствует? вовсю, а?

Но юнец не понимает, только переспрашивает: – Ч-что?

– Я говорю – сейчас у вас на занятиях небось папа Фрейд?.. Юнг?

– Я п-плохо учился. Голова б-болит... Все время б-болит.

– А что за педагоги? Интересно учили?

– Да. М-майор Семибратов очень с-следил за п-питанием.

– Молодец майор.

– Каждый день к-кушали.

– А другие учителя?

– Другие о-о-обычно кричали... На меня всегда к-кричали. Ты, Угрюмцев, никогда не научишься с-с-стрелять!.. Ты никогда не п-п-попадешь в цель, если с завязанными глазами!

– Стрельба с завязанными глазами?.. А куда стрелять?

– На шорох.

– Куда?

– На шорох в кустах.

– И ты стрелял?

– Нет. Н-не успел... В-выгнали.

Ольга ставит точку: – Хватит потешаться! Уходим!

Инна, поощряя мальчишку, кричит: – Загляни в холодильник!

И ушли.

Коля один. В большом пространстве К-студии, там и тут увешанной странными картинами, юнец слегка растерялся.

– Г-г-говорили, покормят. Говорили, рисовать б-буду...
С-странно это.

«Странно это» – уличная пацанья присказка, которую он где-то себе подхватил.

Куда деться, подходит к отведенному, подсказанному ему мольберту.

Осматривается.

Еще им не обжитое, но уже чем-то манящее (он чувствует!) теплое место. Греющее место... И тишина... Можно спрятаться от людей и ментов. Ему хорошо. Больше того, подросток, забывший дух и облик «родных углов», заулыбался – слышит некое родство с этим одомашненным полуподвалом.

Мальчишеское чувство новых владений!

Одним разом он берет мольберт и стул – ищет, к какой бы репродукции ему поближе подсесть... Он хочет перерисовывать. Попробовать. Его же не задаром сюда взяли... Ту картину? Или эту?

Стул не удерживается в руке, падает. Падает и сам Коля. Встал, смеется своей неловкости.

Наконец выбрал – пристроился к дразнящему «Офарту» 1916 года. Возится у мольберта с кисточками и красками.

Рисует?.. Нет... Боится... Задевает нечаянно рычажок под репродукцией. И тотчас «Офорт-1916» освещается... Подсветка поначалу слепит глаза. Краски заиграли слишком.

А юнец, словно бы испугавшись, отпрыгнул в сторону. Так

неожиданно!

Запараллеленная с подсветкой, звучит сентенция Кандинского:

«ВРЕМЕНАМИ МНЕ ЧУДИЛОСЬ, ЧТО МОЯ КИСТЬ ПОРОЖДАЕТ ЗВУКИ... СОГЛАСНОЕ ЗВУЧАНИЕ МУЗЫКИ».

Отыграв паузу, голос проговаривает вновь:

«МНЕ СЛЫШАЛОСЬ ШИПЕНИЕ СМЕШИВАЕМЫХ НА ХОЛСТЕ КРАСОК...»

Голос стих.

Неуспокоившийся подросток ходит кругами... Видит на столе неубранный хлеб. Кусочек сыра.

Это надо съесть!

А дальше ноги сами ведут к холодильнику. Открыв, Коля не бросается на свертки с жадностью. Он выбирает и пробует глазами. Он вымуштрован голодом.

Замирает.

Хотя там опять же, вот он, сыр. Там и хлеб. И еще кое-что. Юнец осторожен. Он пока что ничего не тронул, не коснулся. С головой всунувшись в огромный старый холодильник, рассматривает, как нутро пещеры.

Необыкновенная тишина созерцания.

Коля, надо признать, с подростковыми комплексами, грубоват, ворчлив. Бу-бу-бу-бу... Ду-ду-ду-ду! Самодостаточность пацана, выросшего без теплой крыши.

Он побывал и в детдоме, обглоданном чередой проверок. Взрослея, пожил на чердаках и в подвалах. Побывал в пацаньей стае. Однако остался сам по себе.

Ему пятнадцать, скоро шестнадцать. Не испорчен и не вороват.

По-житейски цепок. Понятливому, ему сразу захотелось сюда, в К-студию. Еще бы! Теплое место – и с едой. Он готов рисовать (если получится) эти забавные картины! Да хоть все! Потому что тогда (так он считает!) его, рисовальщика, не сразу выгонят.

Вообще говоря, кистью (грубой, большой) он недолгое время подрабатывал, прибившись к бригаде маляров.

Нет, он не станет художником. Пейзажик – и точно не его работа. Пейзажик он подобрал на мусорке. Какой-то одинокий, под сто лет старик умер, а объявившийся торопливый новый жилец первым делом выбросил из затхлой квартиры все лишнее.

* * *

Подросток пока что созерцает свертки с едой – мужественным голодным взглядом. Ему все слышнее шум из пив-

нухи, что по соседству с К-студией, все развязнее оттуда веселые голоса, а вот и вопли! диковатые утренние вскрики!

Коля удивлен.

С трудом, но он оторвал взгляд от нутра холодильника. И повторяет с досадой:

– Да что ж такое. Мне с-с-сказали, тишина будет. С-сказали, м-могу рисовать... Странно это...

А вот и звонок в дверь.

Звонит мужчина. Он вдруг появился в коридоре меж соседствующих (и столь разных духовно!) половин подвала. Лет сорока, чуть меньше. Заметно толстеющий. Но крепкий.

Он сам назвал себя Хозяйчиком. С долей презрения. Нервной жизнью сегодняшнего собственника он пока что недоволен. Ожидал, когда начинал, большего. Большого и сразу!.. При случае он готов постенать и пожаловаться – какой, мол, я хозяин. Я хозяйчик. Я никто...

– Я, может быть... – любит повторять он. – Я только, может быть, будущий хозяин этой долбаной пивнушки. Если сумею оформить эти мерзкие, мелочные бумаги... Деньги внес, а толку ноль... Мать вашу! Полсотня глупейших бумаг! Бумажонки!.. Мной помыкают. В меня плюет каждый мент. И каждый чиновник лезет в мой карман... А каждая тварь свысока грозит выбросить меня вон даже из этого долбаного подвала...

Хозяйчик стоит у дверей К-студии. Давит и давит звонок.

С другой стороны этих же дверей замер насторожившийся Коля Угрюмцев.

Безответная молчащая дверь сердит Хозяйчика – он ведь пришел запросто! как сосед!

Подросток Коля тихо ворчит:

– Да что ж такое... Странно это... С-с-сказали, т-тихо будет.

Он впустил толстяка. Хозяйчик по-соседски здесь, конечно, бывал. Но, кажется, нечасто.

Видя растерянного юнца, Хозяйчик отодвигает его и проходит внутрь, сразу и решительно отвоевывая себе достойное гостевое пространство:

– Для чего здесь звонок? Ты оглох, что ли?! Я хозяин кафе... Нам по-соседски надо жить. По-соседски доверять... Мне надо посоветоваться с Ольгой.

– Ее н-нет.

– А ты кто такой? Что тут делаешь? Кто тебе дал ключ?

– Артем К-константинович. И Ольга.

– Зачем? С какой целью?

– Ни с к-какой. Просто по д-д-доброте. Артем К-константинович сказал, чтобы я ч-чувствовал себя здесь как д-дома... Попробую р-рисовать а-а-абстрактно.

– Ого! Константа здесь уже за хозяина! Быстро он! Начи-нающие политики – это очень-очень шустрые мужики, со-

гласен?

Юнец молчит. Не его уровень разговора.

– Объясняю! Политики в наши дни куда проворнее и быстрее других находят себе рослый малинник. С малинкой этак покрупней, а значит – и место, и сносное жилье, и отличную женщину.

– М-м.

– Чего мычишь?.. Ученичок?.. Как здесь оказался?

– Артем К-константинович сюда н-направил. П-подсказал.

– Пригрел?

– П-п-пригрел.

– Прямо-таки болезнь! Политик шагу не ступит, чтобы тут же не наплодить юных однопартийцев. Потомство заикающегося кролика!.. Извини, парень. Я сам был зайкой... Всюду ученички! ученички!

Хозяйчик подходит к расставленному мольберту. Там задался чистый лист. Толстяк, хмыкнув, берет наугад кисточку и пытается рисовать.

– Вот оно как!.. А я бы тоже сумел! Легко!

– В-верните к-кисточку.

– Щас! – Это он, конечно, с иронией. Набирая краску снова и снова, толстяк продолжает малевать.

Подросток Коля очень удивлен и очень недоволен – сказано же, что с сегодняшнего дня это уже его кисти. Это уже

его краски! Да и мольберт, возможно, его!

– В-вам, дядя, лучше уйти... П-п-по домам... Мне вообще-то не в-велели никого пускать.

Но помалевать на чистом всякому нравится.

– Ты кто такой?.. Ну-ка представься, как следует!

– В-верните к-кисточку.

– Кто такой?! – И сорокалетний толстяк, похмыкивая, помахивая кисточкой и блаженствуя, продолжает импровизировать на замечательном дармовом белом пространстве листа.

Обидчивый юнец теперь уже осмысленно задевает, а потом и подталкивает неслышной ногой рычажок ближайшей к нему репродукции. И тотчас свет. Подсветка!

И звучно, вкусно – сопровождающий текст из книги Василия Кандинского:

«...ВЫУЧИЛСЯ БОРЬБЕ С БЕЛЫМ ХОЛСТОМ...»

Мягкий баритон зачитывает:

«...И ТОЛЬКО ПОСТЕПЕННО Я ВЫУЧИЛСЯ НЕ ВИДЕТЬ ЭТОГО ТОНА ХОЛСТА...»

И еще:

«ЭТОГО БЕЛОГО, УПОРНОГО, УПРЯМОГО... ХОЛСТА...»

Хозяйчик от неожиданности замер. Затем повертел головой, ища, откуда этот крепкий мужской голос.

Бросает подозрительную кисточку. И на плохой случай отскакивает в сторону от мольберта.

* * *

В дверях вернувшаяся Инна:

– Ну что? Познакомились?

– Он х-х-хотел, – объясняет Коля. – Хотел мою к-кисточку.

– Да ладно, – смеется Инна. – Он наш сосед.

Хозяйчик-сосед уже обрел себя и свою натужную значительность:

– Инночка, привет... А где сестра? Где Ольга?

– На митинге.

– Ах да, митинг! Митинг!.. Сегодня же утренний митинг!

Инна включает телевизор, немые секунды на поиск, и вот уже на экране что надо – Артем Константа. Он произносит речь.

Политик на трибуне – толпа внимает.

Кадр укрупнился. *Видна Ольга. Она в близком окружении Артема, она неразлучна, она рядом.*

– Вот! – Хозяйчик возбужденно тычет пальцем в экран: – Вот! Вот где они все!

Инна: – А вот вам и Ольга рядышком!

АРТЕМ (*он на экране крупно, потом медленно отдаляясь, чтобы зримей толпа*): – Сегодня, во-первых, мы требуем отмены прописки – этого уродливого запрета на жизнь... Требуем свободы передвижения и свободы места жительства. А теперь я опять и опять возвращаюсь к главному... нам нужна гласность. Нам не нужны ядовитые остатки притаившейся цензуры... Осколки нашего рабства!

МИТИНГУЮЩИЕ: – Ур-ра!.. Правильно!.. Ур-ра, Константа!

АРТЕМ: – Долой остатки цензуры в любом ее виде!

Аплодисменты. Толпа ликует.

Коля по-тихому садится за свой мольберт и делает наконец первый шаг в мир живописи – перерисовывает репродукцию.

Вцепившись в свою драгоценную кисточку.

Юнец счастлив.

АРТЕМ (*завершая выступление*): – Да, да! Население – это не народ. Но бывают дни, бывают часы, когда население становится народом!.. Святые часы!

Последний всплеск аплодисментов.

Митинг заканчивается.

Инна выключила телевизор: – Сейчас прямо с трибуны

они по машинам – и нагрывают сюда.

– Как? Сейчас? – Хозяйчик взволнован.

– А что?.. Утренний митинг не бывает больше часа.

– А может, они к обеду?

– Еще чего!.. Не знаю, как народ, но население любит расслабиться сразу после митинга.

Хозяйчик взволнован еще заметнее.

– Но зачем они сняли у меня всю пивную? Все столики разом с утра... Весь зал и чтобы без музыки... Это тоже чтобы расслабиться?

– Не волнуйся, дядя. Толпы не будет.

– Столики...

– Все столики – это чтоб лишних ушей не было. И лишних глаз. И лишних языков.

– Значит, элита?

– Думай, дядя, попроще. Не умничай. Считай, что сюда привалят поговорить-выпить-закусить.

– Я разве против? Я за.

– Во-первых, организаторы митинга. И Константа тоже привалит с окружением... И кое-кто из прессы. И конечно, денежный мешок, который всю эту говорильню содержит!

– Дочка. Инна... Я, собственно, за этим и пришел... Спросить... Хотел с Ольгой посоветоваться. Мы ж соседи... Говорят, этот их спонсор крутой. Слушок такой про него. Скажи – крутой?!

– Да, молчаливый.

– Я же хотел им отказать, но они силой наперли. Надавили. Телохранитель какой, а? Морда, а?.. Видела?.. И почему именно дохлая моя пивная?

– Не дрожи, дядя. Не будь тупым... Твоя пивная только потому, что крутому спонсору нужен крутой Артем. А Артем живет у Ольги. А Ольга твой сосед. Только поэтому ты и понадобился.

– А-а!.. Вот оно!.. Всё рядом, всё по-соседски... Какая ты, дочка, умница!

Хозяйчик уходит, кивнув в сторону Коли:

– Малюет... Я бы тоже мог сидеть и мазать кисточкой. Вернуться бы в детство!

* * *

Инна неслышными шагами подходит сзади. Видит, как неуверенно водит подросток кистью.

– Рисуешь?

– П-просто так.

Начинающий мазилка чем-то привлекает ее. К тому же у Инны изрядное преимущество возраста. Ей 26, а ему 15...

– Покажись.

Инна бесцеремонно поднимает его со стула и разглядывает. Руками берет за плечи. Поворачивает туда-сюда.

– Ручонки хилые, – констатирует она. – Ты на стрельбах

бывал?

– Б-бывал.

– Пистолет в руке сам держал?

– И вообще, как тебя, такого чахлого, взяли в школу ГБ?..

У них же классные ребята!

Отнимает у него кисточку.

– Рассказывай.

– Что?

– Гэбистская школа тебе нравилась?

– М-майор Семибратов о-о-очень следил за п-п-питанием.

– А чего вялый? Тебе что – девчонки не нравятся?

– Я у к-к-католиков хорошо учился... А у гэбистов почему-то никак. X-хуже всех был...

– Совсем плохой?

– Только по памяти трояк с п-плюсом.

– По памяти?

– Остальное – одни д-двойки.

Инна усаживает юнца вновь на его стул, вернула ему кисточку – ладно, пацан! рисуй!

– Здесь тебе будет хорошо. Вместе с твоими двойками-тройками. Артем и моя сестра тебя обогреют.

– Я не у-умею рисовать. Но я же могу к-копировать. Я сделаю х-х-хоть сто копий!

– А что?.. Заделаешься здесь студийцем. Старайся... Студия начнет работать в сентябре.

Юнец держит кисточку. В некоторой заторможенности продолжает рассказывать о себе:

– На с-связного учился. По рации... На стукача тоже хотел. Д-доносы писал... П-правда, с ошибками.

– Пойду переоденусь. Дневной, но как-никак банкет!.. Я специально сбежала с митинга пораньше.

Коля продолжает свое: – Стрелять мне не давали.

– А хотелось?

– Иногда.

– С завязанными глазами и на шорох в кустах?

– А чего ты с-с-смеешься?

Но Инна уже ушла.

Коля переставляет мольберт поближе к рисунку. Пытается сосредоточиться. Задумался:

– Странно это... Сказали, м-можешь рисовать... А сами м-мешают.

Переодетая, эффектная, появляется Инна. Спортивный стиль ей к лицу.

– Слышал?.. Не пропусти. Банкет рядом – в нашей соседней пивнухе! Можешь поучаствовать. Ты же любишь поесть.

– Меня н-не звали.

– Я зову. Ольга зовет... А Константа сам первый сказал – прихвати, Инна, мальчишку. Пусть вкусно поест... Голод – кнут Истории!.. Так он выразился.

– К-к-кнут?

– Он имел в виду, что в смутные исторические дни еда на халяву всегда кстати!..

Инна смотрит на юнца оценивающе: – Тебе бы рубашку почище.

* * *

Тем временем, в ожидании банкета, из пивнушки изгонялись завсегдатаи. Молодежь, как всегда, судьбой недовольна. Как же так! Они с утра недопили! они с такого светлого, с такого чудесного, солнечного... что еще?.. с такого хорошего утра даже и вполовину не пьяны... Свинство!

Их строптивные бунтующие голоса перекрывает повелевающий голос Хозяйчика:

– Вон!.. Всех вон!.. Чтоб в десять минут!.. Вышибала! Где вышибала?.. Гнать всех вон.

Молодые выпивохи вылетают из дверей, получив жесткий пинок под зад.

Но музыка пока что играет.

Инна и подросток Угрюмцев все еще в К-студии.

– А к-кто платит за банкет?

– Догадаешься.

– Б-богатых совсем не отличаю.

– Слышишь?! – потирая руки, радуется Инна. – Уже по воплям недовольных и изгоняемых понятно, как вкусно, как алчно покушаем мы сегодня. Любишь вкуснятинку?

– Меня н-не звали.

– Уверяю тебя, пацан. Еда будет повеселее, чем в гэбистской школе у майора Семибратова.

– Ш-школу уже разогнали.

– А майор?

– Долго за школу б-бился. Б-боролся.

– А потом?

– Он стал б-б-буддистом.

В пивнушке уже в одиночку горланит молодой рок-музыкант по имени Максим, для своих Макс Квинта – последний, кто пытается здесь остаться:

– Мы – музыканты. Хам!.. Зачем же музыку вон?

– Тебя вон в первую очередь.

– Что за банкет без музыки!

– Очень даже банкет! – улыбается Хозяйчик.

* * *

Чтобы ему не голодать в ожидании банкета, Инна сотво-

рила юнцу огромный бутерброд... с ветчиной! Коля ест, знакомятся ближе.

– Пивнуху закроют. Со дня на день... Артем обещал... А что в школе ГБ – было интересно?

– Мне – нет... Странно это. П-память у меня правильная, но мне не д-давались д-даже доносы.

– Неталантливо писал? – смеется Инна.

– Н-н-неправдоподобно.

– А вот Артем намекал, что тебя оценили и приняли в школу за пейзажик с лошадкой.

– Не-е-ет. Это он п-просто так.

– Просто так?

– Чтобы п-поддержать меня. Чтобы к-красиво.

– А пейзажик чужой?

– Чужой.

– Чей?

– Не знаю. Я п-подобрал на помойке... Возле девятиэтажного дома. Человек умер. Во втором п-подъезде... Его вещи выбрасывали.

Инна разочарована:

– Я бы заик не брала в ГБ.

Юнец пожал плечами:

– Люди заикам верят б-больше. Майор Семибратов сказал.

– А кликуха у тебя была?

– Ребята д-дали.

– Ну?

– Она н-несмешная. Трояк-с-плюсом.

– А я совсем недавно... – откровенничает, в свою очередь, Инна. Рассказывает с восторгом. – Я видела настоящего стукача!.. Мы в Питер на экскурсию группой ездим... Одни бабы. Такая группа. И вдруг парень вроде тебя... Извини... Затесался в нашу бабскую группу. Какой-то недоделанный. Мы всё шептались и гадали – стукач? Или голубой?..

– Это н-непросто, – соглашается знающим тоном юный Коля.

– Нормальный вроде парень, но что-то в нем этакое. Что-то утонченное. Я так и не поняла до конца поездки... Деликатен. Опрятен слишком. И взгляд внимательный.

– Б-бывает.

– Похоже, стукач косил под голубого?

– А вот это н-невоз-зможно. З-запрещено.

– Ну, значит, наоборот. Значит, голубой работал... Под неопытного стукачика. Это же вполне возможно?

– В-возможно.

– А я тогда винца в обед выпила и расшалилась. И знак ему сделала. Пальчиком постучала по пуговке у меня на кофе: тук-тук-тук... Мол, как живется – как стучится в наши перестроечные дни?.. А он улыбнулся. И мне сразу же ответил. Тоже нежным пальчиком... По своей пуговке на пиджа-

ке: тук-тук-тук...

Знаток Коля морщит лоб, задумывается. И приходит к выводу:

– Г-г-г-голубой.

3

Уйти бы сейчас к Ольге, а не пьянствовать с ними. Артем устал. Но, конечно, боец... А боец не жалуется.

Как-то Артем неожиданно скоро выдохся сегодня на митинге. Но ведь застолья не избежать. Застолье – обязательный жирный довесок. Как второй тайм. Ввалившиеся в пивнушку после митинга, они все хотят пить, еще и еще пить – люди Босса!.. И, воздав Артему, ощутить его сегодняшнюю победу – как свою.

Босс, он же спонсор, мог бы уже первым спокойно отвалить домой, уйти. Дело на сегодня сделано... Но Босс сидит и жует победу – будут сидеть и остальные. Вся команда.

Босс называет их «своими».

Артему уйти бы сейчас к Ольге... Ее К-студия рядом! Пять шагов... Ну, десять-пятнадцать.

«Свои» без церемоний, напористо, вдруг разом рассыпавшись, заняли места за квадратными пивными столиками, составленными в линию.

– Бульдозерная! – кричит Стратег. – Все знают и чтут Бульдозерную выставку! Уже легенда!.. Хрущевский идиотизм двадцатилетней давности неотменяем!..

– А меж тем всего полгода назад была не менее знако-

вая выставка художников, которую власть тоже сгоряча помяла... Водометная, так ее окрестили.

«Свой», которого уважительно называют Стратегом, сразу повернул застолье в наши недавние боевые дни.

Так что отдохнуть, отмолчаться, тихо налечь на выпивку Артему не удастся. Стратег не зря помянул. Артем как раз один из героев той, недавней Водометной выставки.

А Босс, он же спонсор, любит и ценит рыцарскую тему разборок художников с властями. Отвагу нашей интеллигенции ценит!

– Когда началось задымление, народа уже не было. Там были одни менты.

– Но там были пожарники, – возражает один из «своих».

И тут же ожидаемый спор. «Свои» загудели. Их человек семь или восемь. Артем в сколоченной команде недавно и плохо их различает. По номерам. Свой-1... Свой-2... Свой-3...

– Это крутились менты, переодетые в пожарников.

– А тогда кто поливал из шлангов! Менты?.. Они что, умеют профессионально поливать из шлангов?

«Свои», как в разношенные домашние тапки, влезли в родную для всех нас застольную позицию. Выпьют всё, что на столе. С криками и с перестроечно вольными жестами. С расширенными зрачками!..

Артему ли не знать, что «свои» пьют много, пьют безразмерно, никогда, однако, не пьянея до точки. Сказочная черта. Не падают!

«Своим» как бы противостоят (отчасти, в меру) люди Ольги. Прямо с митинга приглашенные сюда и слегка важничающие... Их всего двое, оба, конечно, художники.

Уйти бы Артему к Ольге...

– Господа!.. – кричит Художник. – Эти политизированные выставки уже оплаканы. К чертям их... Это уже сама История! Слюни!

Но «свои», отлично помня, что их Босс как раз и любит послушать, узнать про саму Историю и ее свисающие холодноватые слюнки, поднимают дружный шум несогласия:

– А что? менты не сразу сумели устроить задымление?.. Неужели?

– Еще как сумели!.. Имитировали пожар с четырех углов. И подмигивали и посмеивались. А потом совсем развеселились! И вместо того, чтобы разгонять выставку, стали нет-нет и шутейно поливать пожарников.

– Из красных шлангов! нечаянно!

«Свои», с расширенными зрачками, уже страстно вовлечены в подсказанный им спор.

Художник не прочь поддержать их благородную болтовню. Но, конечно, с подблюдной джентльменской иронией:

– Господа и друзья! Все было по-честному... Пожарники честно ликвидировали задымление... А духовный огонь недовольных честно заливали водой, конечно, менты.

– Все мы были на выставке героями. Как оказалось наутро. Чудесная новость!

– Это что? Ирония?

– Но согласитесь! Согласитесь, господа!.. Как здорово наутро узнать о своем геройстве... И совершенно не важно, поливал ты вчера из красного шланга пожарников (которые на самом деле были менты)... или ты поливал ментов, которые были чуть-чуть пожарники...

– Чего этот мужик хочет? Он пьет с нами или не пьет? – кричат рассерженные «свои».

– Иронист!

– А заблудившемуся надо подсказать, где из-за стола выход.

– Все иронисты – ничтожества. И ничтожеством своим неплохо живут!

– Ладно, ладно, господа, – смеется Художник. – Я согласен вместе выпить за прошлое. За наше боевое прошлое, где... Где все мы – герои. Все, как один. Даже я.

Стол силен выпивкой! стол серьёзен закуской!.. Гуляй, ре-

бята!

Нервничая и нет-нет поглядывая на тающую снедь, вдоль и вокруг похрустывающего застолья снует волнующийся Хозяйчик.

Но не зря же совершенно спокойно делит с ними застолье мерно выпивающий и пока что недоступно молчаливый Босс. За его спиной, в двух шагах, каменно застыл Телохран. Скрестив руки.

* * *

Вбежал опоздавший Свой-Смишный.

Телохран, сделав настороженный мягкий шаг ко входу, тотчас его встретил лицом к лицу. Заглядывает в свою для памяти бумажку:

– Так... Такое, значит, ваше имечко... Кликуха... Сме... Смешной?

Опоздавший поправляет со снисходительной улыбкой:

– Не Смешной, а Смишный... Я отвечаю за СМИ.

Прошел и садится за стол.

Понятно, что Смишный – человек здесь, несомненно, значащий. «Свой» ему сразу, без подсказки, с двух сторон наливают.

Стратег: – Мы тебя ждали. Очень ждали.

Смишный: – Ну, вот он я.

– Господа! – Стратег наново ошупывает разговор. – Мы «свои». И мы отмечаем свое. Мы вслух и громко!.. Мы празднуем прекрасное, смелое... сегодняшнее выступление Артема Константы на важном митинге в Московской Думе.

Все кричат: – Да, да, прекрасное! Да, да, смелое!.. Да!.. Да!.. Да!.. Да! – И выпили.

Стратег, он деловой, паузку, однако, дал небольшую:

– Мы тебя ждали, дорогой наш Сми. Выкладывай. Мы тебя слушаем! Ну как?.. Ты отвечаешь за «ящик»?.. Ну?

Свой-Смишный сесть сел, но еще не расслабился за столом! Он только-только! первая стопка!

– Телевизионщики обещали. Дело сделано. Сначала сговорились на отрывки из Константы. А затем – я напомнил им подскочивший рейтинг – на полный текст его выступления. Я как камень. Я их дожал... Додавил... По многочисленным просьбам москвичей.

Стратег: – Петров сам обещал?

– Сам.

– Отлично.

– Я дожал. Я из них выдавил! весь их сок! всю их жижу! – Смех. – ...Все их сопли... слюни... слезы... Какая там еще у нас жидкость на «с»?

Стратег подчеркнуто мазнул взглядом, осердился:

– Пошлости побоку. Напоминаю... Главное, чем мы сей-

час живем, – это выдвижение Артема Константиновича в Комитет по культуре Московской думы.

– Ура...

– Тише!.. Рано «ура»... Выпьем тихо. Чтобы и нашему Артему тихо, но реально засветило стать министром в Московском правительстве уже этого созыва.

А у входа некоторое столкновение интересов. Впрочем, пустяки.

Телохранитель аккуратно вправляет мозги хозяину пивной, то бишь Хозяйчику:

– Сказано – тебе сытно заплатят! Не торопись. Наш никого еще не обидел. Ты понял?.. Видишь, там сидит человек...

– Вижу.

– Для тебя он – бог. Вон тот. Справный такой. Нет, нет!.. Не толстый, как ты, а справный... Кто он?.. Он для тебя Пал Палыч.

– Но мне надо знать, сколько он заплатит?

Цыкнув на холуев, Стратег продолжает:

– ...За Артема... Пал Палыч. Вы наш вдохновитель. Но близок час, когда вы будете вдохновлять не нас, пеструю команду... не нас, жалкую свору... не нас, чиновничью свиту, – а всю тучную, ожиревшую Московскую думу. Можно выпить нам за это, Пал Палыч?.. Мы чуть-чуть волнуемся. Мы чуть-чуть торопимся. Мы чуть-чуть забегаем и спешим, Пал Па-

лыч, но... Но все-таки мы выпьем уже сегодня, уже сейчас!.. за это?!

Босс, он же спонсор, – человек молчаливый. Он произносит ровно одно слово:

– Пей.

И едва заметно кивает головой. Он спокоен и занят – разделяет ножом и вилкой кусок ягнятины.

Теперь в духе времени, конечно, о ГБ.

– Гэбисты, я слышал, кой-где сделали популистские районные отделения. Офис как офис. Как бы ближе к народу. И дверь прорублена – прямо на улицу. Прямо в объятия к народу... Заходи хоть все!

– А что? Демократизация. Правильно.

– У входа сидит расслабленный гэбист. Мужичок-канцелярист с милым лицом. Как в ЖЭКе. Заходи, народ!

– И что?

– А ничто – принимает жалобы.

Телохран и Хозяйчик все еще перешептываются. Хозян жалуется:

– Это же, можно считать, корпоративная встреча!.. Цена другая! Цена соответственно встрече...

– Если ты еще раз разинешь...

– Я разину свой рот столько, сколько я захочу.

– Это правда. Но ты захочешь его разинуть ровно столько,

сколько я тебе разрешу.

– Я...

И наконец вместо слов – тихий стон часто обижаемого человека. Это когда телохранитель, упрощая разговор, стиснул трепещущую руку Хозяйчика. Своей заждавшейся клешней. И дальше – шепотом:

– Видишь тот темный уголок возле той двери?

– Ви-и-ижу.

– Хорошо видишь?

– Хо-орошо.

– Иди туда, сядь и думай о женщинах.

* * *

Это правильно, – Босс, он же спонсор, главный в застолье и зачем ему искать слова? Зачем париться?.. Правильный человек сам собой держится в теньке.

Политика для Босса – недавний, но кой-где в перспективе уже зрелый плодоносящий бизнес. Конечно, подстраховка. В параллель он поддерживает сразу трех таких выдвиженцев, как Артем. И за один только этот бурный летний месяц три митинга.

И соответственно – три таких застолья.

Да, да, да, он продвигает Артема Константу во власть. Да, вложил в Константу свои честные деньги. Да, пришел поощрить, порадеть за своего выдвиженца, который так дразняще

удачно выступает на митингах... Импровизирует под открытым небом. На ветерке. А с каким блеском он врывается на экран ТВ!

Свой-1 и Свой-2 сидят рядом. Им наплевать на знаковое молчание Босса. И, если уж до конца, на самого Босса тоже сейчас наплевать. С пятой-то стопки перестроечный гражданин может почувствовать себя свободным?!. Ну хоть с шестой!

– А нужен ли Пал Палычу в нынешней Думе именно Артем Константа? Как мыслишь?.. За него уже проплатили? Много ли?

– Потрапились.

– Однако народу, если про сегодня, было маловато.

– Но не потому, что поутру!.. Пал Палыч мог бы и светлым утром собрать стадион. Но он четко сказал, как отрубил, – пока что только «свои». И плюс немного быдла.

– Не любит лишние уши?

– Лишние языки.

А вот еда хороша. Оба почти одновременно отмечают, что курочку запекли славно!.. К тому же, ха-ха, в разделке им повезло – у разбежавшейся и тормознувшей на этой части стола курицы четыре... нет, пять ножек!

– Кто там рядом с Константой?

– Какой-то пацан.

– Может, сын его?

– Вряд ли... Какой-то заика.

Уйти бы к Ольге...

Помалу завелись. Опрощаются.

– Да, да... Артем, как не поздравить тебя, дорогой. Вот это был улёт! Потрясающее выступление.

– Но ты, Артемка, сейчас должен ответить на наши тосты и на такую нашу любовь!

– Мы не митинг. Мы хотим тебя послушать открыто и по-домашнему!.. Как своего!

– Устал?..

– А выпей! А взбодрись!

– Обещал же о переменах!

– Ну, пожалуйста, Артемчик. Помечи сегодня еще немножко бисеру – перед нами, свинюшками!

С расширенными зрачками!

Артем пружиной встает в рост, нависая над торцом стола... Хотите о переменах?!

– Погоди, Константа!.. Наливаем!.. Что? Перешли все на водку?

Артем дал время... Заодно поощрил сидящего с ним рядом Колю Угрюмцева. Дружески, туда-сюда, треплет стриженую голову жующего пацана:

– Вот, господа! Получите!.. С нами за одним столом начинающий художник... Как имя? Напомни.

– К-коля.

– Нет, друг мой!.. Ты художник. Привыкай называть фамилию, когда у тебя спрашивают имя. А Коля и Вася здесь никого не интересуют.

– У-у-угрюмцев я.

– Принято... У нас, господа, некоторые проблемы с речью. К тому же волнение.

– Ура, Константа!

– Тихо! Наш Николай Угрюмцев совсем юнец. Обычный пацан, мальчишка!..

Артем легко разгоняет крепкие и нарядные, послушные ему слова. Артема Константу, если он этого не хочет, не перебить:

– А знаки перемен – совсем рядом... Да, пацана выгнали из школы... Но из какой школы? Это потрясает!.. Вам, господа, не угадать. Ну-ка?.. Слабо?.. Так вот – его выставили из некоей самодельной гэбэшной школы... лучше сказать, его выгнали... изгнали из славных рядов ГБ.

– О!

– О!

– Ого!..

Застолье хохочет.

– Однако, господа, что смешного?.. В школе ГБ мальчишке развили и остро отточили именно зрительную память.

Главное оружие как для будущего художника, так и для будущего гэбиста – глаз.

– О да!

– О да!.. На всю жизнь память!

– А меж тем, – продолжает, балуясь, Артем, – а меж тем духовное рождение юного художника Угрюмцева, обрыв его духовной пуповины увязан... косвенно... с Водометной выставкой. Которую мы только-только поминали... Такие нынче времена. Знаки новизны, как ручьи, стекаются издалека!

Артем еще раз поощрительно похлопывает юнца по стриженной башке:

– Молодец! Был на выставке!

И вот ведь вновь ожила недавняя Водометная выставка художников.

Случайно или нет?.. Как знать!.. В отвязном, пьяно-победном застолье так бывает, что некий необязательный факт (или, к примеру, чье-то случайное чужеватое имя) вдруг возникает повтором... дважды!.. словно бы напрашиваясь за чем-то к нам в питейный разговор. Словно бы просясь войти... Словно бы легкий стук-стук в дверь. В нашу дверь.

* * *

Но Артем как-то не угадал. Слишком спокойный, он помалу сбавил голос до проторенно застольного трепя:

– Возможно, на выставке были серьезные люди в теневых погонах. Но я не о них. Я лишь о той школе ГБ, в которую затесался наш голодающий Коля Угрюмцев. Всего лишь самодельная, домашняя школка... Ее организовал какой-то тусклый майор Семибратов. Пользуясь общей неразберихой... Самого майора из рядов ГБ как раз турнули, чистка, вот обойденный майор и слепил свою собственную школу. С энтузиазмом слепил и в пику! Хотел деятельности!.. Хотел во благо!.. Время Семибратовых, господа!

Артем не спешил:

– Да, господа, о выставке как раз тогда начали писать-шуметь, и наш майор зажегся интересной мыслью. В самый скандальный день он надумал послать в залы с проблемной живописью свой творческий молодец. Для практики. Потолкаться среди интеллектуалов. Что-то записать, кого-то запомнить... Святое дело! Нашего Колю и еще нескольких обучаемых мальчишек майор остро нацелил и, благословив, отправил в жизнь...

Застолье внимало.

– Да, господа, случай!.. Внедренные майором мальчишки час в час совпали с задымлением – с акцией ментов по силовому закрытию выставки... Представьте картинку!.. Угроза пожара... Сотня зрителей. Толчея. Подростки с рвением вынюхивают в уже слегка задымленном зале. Записывают либеральные реплики и запоминают несогласные лица. Школа!..

Начальная школа, господа!.. Коля Угрюмцев один из них – из посланных вынюхивать... А что случается заодно?.. А заодно, господа, наш юнец впервые в своей жизни оказался в залах, увешанных картинами, – вот оно что! Носом в краски! Впервые в своей жизни мальчишка попал на... вернисаж!.. Крикливый, задымленный, уже кашляющий, однако же вернисаж!

Артем наращивает интерес:

– Нет, нет, вы не морщьтесь! Вы представьте себе этот выворот сыскной овчинки!.. Вместо того чтобы пробираться, шастать из зала в зал и прислушиваться к разговорам изгоняемой и разгневанной (особенно брандспойтами) нашей интеллигенции, юный гэбист ходит слепыми шагами, забыв, зачем он здесь... Забыв, зачем его прислали! Забыв Семибратова! Он ходит спотыкаясь. Он ходит, потрясенный, от картины к картине. И то там, то здесь замирает от незнакомой ему пьянящей силы искусства!

– Артемчик! Класс!.. Сработала живопись!.. И душа у мальчишки перевернулась!

– Артем?! Пацана ударило по башке?

– Друзья!.. Артем!.. Уверяю вас – мальчишку ударило красками! цветом! красотой!

– Некоторые рисуют сто лет, а их до сих пор не ударило.

Это уже выпад. Это уже старые счеты. Это приглашенный Ольгой ее приятель Художник ничего не забыл – и в подхват

плюнул в богатеньких, сытых «академических» художников.

Второй художник подзаряжен не столь зло, жует воздух, губы в улыбке, пьяно журчащий добродушный ручей:

– Буль... Буль... Буль... Буль...

Но зато «свои» уже раскатали губу на рассказ, почуяли набегающий сюжетец и вперебой кричат:

– Артем... Расскажи... Подробнее.

– Артем! Ты-то уж точно был там героем... Знаем! Знаем!

– Не скромничай!

И совсем неожиданно открыл рот Босс, он же спонсор:

– Расскажи, расскажи, дружок... Пожарники против ментов, а?

«Дружок» – это он Артему. Запросто!

После добрых, чуть глянцевого слов так долго молчавшего Босса у Артема словно бы второе дыхание.

Вот и отлично!.. Вот и вперед! Вино сработало.

– Общеизвестно, господа... Чтобы покончить с выставкой, ее публично не обсуждая, менты по подсказке имитировали пожар и прислали своих ряженных в медных касках. Брандспойты... Струи воды... Разгон... Всё шло хорошо!..

Как по нотам. Менты кричат пожарникам – отвалите! Мы дым сделали – и сами его укротим!.. Пожарники – ни в какую! Они же по вызову! Они – профи. 01 против 02!..

А вокруг этой разборки двух (заметьте, серьезнейших) наших ведомств – кружит озленный рой! Вокруг медных касок бегают и прыгают представители нашей прекрасной, разгневанной, плюющей и, простите, некрасиво визжащей интеллигенции... Крики-вопли. Примчавшиеся художники. Вынос картин!.. Кто-то спешно одевает свои пейзажи в целлофан!.. Крест-накрест шланги заливают все водой! Пошла в ход и пена!.. И по полузатопленным, оскверненным залам бродит, ни на кого не обращая внимания, мальчишка Колян, ударенный красотой по голове. Завороженный. Замирающий возле каждой картины – забытой в зале... и сверкающей в мокрых красках.

Улёт!.. Хохот и крики восторга. У едва сплотившегося застолья, это мы, мы такие, – сразу же и сплоченный тост за нас... за... за... как бы там ни было!.. Мы такие... за нашу интеллигенцию! За какую есть! За стерилизованную! За некрасиво визжащую! Но все-таки за, господи!.. Мы – за!

А юнец забавен. Юнец – как-никак герой дня.

– Господин Угрюмцев... Ну?.. Расскажи нам сам... Коля!

– Коля, а нам про живопись с дымком? С пригарками?

– А холодны ли, ха-ха, пацан, струи брандспойтов?

Шутливо спрашивают, теребят его, смеются – и господин Коля Угрюмцев сдержанно отвечает:

– Б-брандспойты – это холодно не оч-ч-чень. Когда уже м-мокрый насквозь.

Артем видит заблиставшие, нервные глаза мальчишки. И ведь уже улыбается... ожил!

– Еще... Еще минуту внимания, господа. Развязка!.. По-знавший Красоту, наш Коля как в столбняке. Он все забыл. Заметьте, пацан пропустил еду!.. А главное, ученичок не поспешил и не доложил майору – не вернулся в свою сыскную школу, как вернулись, примчались туда другие пацаны. Профукал первое же задание! Больше того – в потрясении, в той неразберихе Коля и вовсе ушел, потерялся. Кругами бродил и бродил по неласковым московским переулкам. Его еле отыскал Семибратов...

– И что?

– И пока шли, майор держал найденного пацана чуть ли не за шиворот. А шел майор – это важно! – в родное отделение ГБ. В районное. За финансовой и прочей поддержкой. Самодельная школа майора Семибратова остро нуждалась. Майора в те дни из ГБ только-только выгнали. Во время чистки. Но, само собой, у майора остались там знакомцы. К ним майор и ходил поклониться. С просьбами. С протянутой левой рукой. Каждый день...

– В к-конце рабочего дня, – вставил Коля, понемногу помогая Артему.

– Именно. Майор Семибратов не мог, конечно, взять с собой пацана во всемогущие коридоры и оставил его в приемной. На время... А сам со своими хлопотами пошел по

кабинетам... Приказ. Сиди здесь и меня жди! Бодрствуй!.. Усёк? – сказал он Коле прямо, по-майорски.

– Оставил одного?

– Ну, не совсем одного: пусть, мол, Коля просто посидит в канцелярском предбаннике... Там как раз дежурил дружбан майора. Там оставленный Коля и заскучал. Томился. Сидел долго на жестком стуле... Поодаль от канцеляриста.

– Стул ож-ж-ж-жидания, – прожужжал Коля.

Застолье заволновалось. Нерв был задет. За пацана уже болели.

– Ну? – вопрошали, кричали через стол. – Ну и?.. Ну и дальше?

– А дальше наш Коля несколько неприглядно там уснул. Сидя.

– И что?

– Сначала пацан вытащил из карманов и разложил перед собой куски хлеба... сухари... Канцелярист увидел, возмутился. И спящего пацана выставил... Ну да, да, Коля вдруг нелепо уснул. Уткнувшись лицом в хлебные корки.

Майор Семибратов вынырнул наконец из полумрака гэбистских коридоров, а пацана нет. Нарушение дисциплины.

– И что? сразу гнать вон?! из прикормленной школы?.. Пацана с хлебными корками?

– В том и досада майора! Майор Семибратов, помимо жалкого фильтрования коридорных слухов, напоследок не

забыл потолкаться в буфете. Заодно купил там и принес пацану бутерброды. А пацана нет.

Артем увлек застолье. (Но и сам увлекся своим рассказом. А ведь не надо было!)

– ... Не брошу, господа, камень в майора. Сказать честно, пацана выгнали из самодельной школы (из недофинансированной) не только за нелады с дисциплиной. У нашего Коли, увы, были двойки. С учебой у Коли было не ах. Не ах как хорошо.

– Ага! Я это предвидел!..

– О! Двойки!.. Такой рассказ!.. Я разочарован!

– Ничего, Коля! – кричали brave «свои». – К чертям гэбистов и их голодные школы... Ты на этот раз выбрал правильный путь... В художниках ты отъешься!

И как же сплотившаяся тусовка вдруг развеселилась. Над скромной сытостью художников кто только не потешался. Во все века. Ух, какой живой, какой развязный, ёрнический загулял над столом смех!

– Не расстраивайся, старина! Ешь от пуза!

– Выгнали?.. Это грандиозно! – кричали, веселясь, юнцу. – Это путь многих и многих голодных и слабогрудых!

– Я не художник. Рисовать не у-умею, – отбивался Коля. – Я б-буду к-к-копировальщик.

– Вы-то, монстры, как свою жизнь начинали?! – вступился

Артем. – Отстаньте от парня.

Но «свои», почуявшие веселую, незлую поживу, на Колю уже насели:

– А все-таки? Почему двойки?.. Ну скажи, старина! Нам интересно! В этой суровой гэбистской школе хоть иногда тройки ставили?

Коля, ясное дело, не солжет, не умеет:

– У меня по «памяти» трояк с п-плюсом... И один раз был трояк по с-стрельбе лежа. Но лежа стрелять – это совсем у них не ценится, не в-востребовано. Не в счет.

И новым взрывом! Застольный пьяный беззаботный смех!

– Стрельба лежа? Не востребована?.. Обалдеть!

– А почему, старина?.. Какой-то намек на крутой секс, а?

– Лежа стрелять – не ценится?.. Как это понять?

Телохран выступил из-за спины Босса – решил из тени вставить словцо:

– Разрешите, я подскажу... Ценится больше всего, сами понимаете, стрельба в движении. В прыжке, к примеру. На ходу. На бегу... Это, извините, как на эстраде. Раньше певец пел, застыв по стойке «смирно» и чтоб руку у сердца... А сейчас певун, долбаный солист, прыгает как козел, притом еще и с гитарой! Сальто делает! и еще как орет!.. Вот так и стрелять надо уметь по моде. Падая и прыгая. Взлетая и кувyrкаясь!

– Ладно, Коля. Наплевать и забыть прошлое!.. Выпейте с нами, художник Угрюмцев!

– Я не л-люблю.

– Ну, тогда поешь как следует. Жуй веселее, Трояк-с-плюсом!

– Уже п-поел... С-спасибо... Я хочу туда.

– Куда?

– К К-кандинскому. Х-хочу малевать.

И ведь этот Трояк-с-плюсом мог бы уже уйти, исчезнуть, нет его.

В К-студию из кафешки всего-то десять шагов – рядом! Ну пятнадцать!.. Уйти бы ему туда сразу. Сидел бы там за мольбертом с любимой кисточкой, тихо радуясь закончившемуся сытому дню. К-к-копировальщик!

И ведь уже поднялся, привстал, чтобы уйти. Но Художник, приятель Ольги, властно придавил мальчишке худенькое плечо: сиди!.. Художник был заметно взволнован:

– Считай, что здесь состоялось твое крещение, Коля. На-рекаем тебя живописцем. Помни! Ты должен уметь опустошать тарелку. При любом подвернувшемся случае... Жрать много. Жрать впрок!

Этот поддатый мужик, Ольгин приятель, хотел, чтобы мальчишка своей милой придурковатостью размягчил его огрубевшее, набрякшее, в мелких лиловых сосудиках мужское сердце. Мальчишка ему напоминал.

И потому так навязчиво хотелось, чтобы мальчишка поел.

Еще и еще.

* * *

Наконец и Ольга с Инной. После митинга молодые женщины сколько-то передохнули, освежили лица и только теперь сошли к шумному мужскому застолью. С каждым шагом хорошея.

Обе нарядные, красивые.

Мужики, уже изрядно набравшиеся, разумеется, кричат:

– О!

– О!..

– Наконец-то!

Молодые женщины стоят, колеблясь. Не решаясь. Или не сразу угадывая, где им лучше сесть.

И первым из сегодняшней коллекции мужчин Босс, он же спонсор, поторопился их приход одобрить:

– Садитесь, дамы. Облагородьте наш шумный свинарник.

Хозяйчик волоком тащит через пустую пивную сразу два береженных им стула. Настоящие, правильные два стула, а не остро вонзающиеся в зад молодежные табуреты из бара.

– Больше таких нет. Только два.

Оба стула отдаются дамам. Но Инна вдруг возражает:

– А я хочу на табурет. Мне нравится... Как в баре. Люблю покрутиться, туда-сюда! Да, да, хочу повертеть задом!

Свой-1, удивленно: – Надо же. Молодая... Ей такая острая штука в задку нравится.

Свой-2, облизнув губы: – Юная!

Оказавшийся незанятым правильный стул рывком забирает для себя Художник. Настоящее счастье разве скроешь! Он садится, расслабился, плюх на широкое сиденье и кричит. Оглашает... На все застолье:

– О, Господи. Спасибо тебе... Я в раю!

– Хозяин, дай-ка и нам настоящие стулья!

– Чем вам плохи эти? – упирается Хозяйчик.

– Да на них же нельзя сидеть!

– А не ерзайте.

И вновь вспыхнула, казалось, уже истерзанная тема «стульев». Грубоватая, разумеется. Под водку, разумеется. И в замедленном исполнении...

Свой-3: – Мама родная!.. Я как девственная птичка на жердочке.

– А как мыслишь? Почему деревенеет левая ягодица?

Стратег: – Господа, без ягодиц! Призываю!

– Все дело в болеутоляющей юности. Вон Коля сидит на жердочке – и ему хоть бы что!

– Юнец – в прошлом гэбист. Эти люди могут сидеть на шиле.

Художник: – А не надо в прошлом раскармливать задницу.

Оказавшийся тотчас за его спиной Телохран реагирует немедленно и жестко:

– Что за намек?.. Ты, родной, на кого намекнул?!

– Молчу, молчу.

– Здесь серьезные люди.

– Я же сказал – молчу.

Как великолепны женщины, когда они приходят туда, где их уже ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.